

Пролог

2007

Когда он выходит из ванной, она просыпается. Откинувшись на подушки, она листает туристические буклеты, лежащие рядом с кроватью. На ней одна из его футболок, длинные волосы спутаны, навевая мысли о прошлой ночи. Он стоит, наслаждаясь мимолетным воспоминанием, и вытирает голову полотенцем.

Она отрывает взгляд от буклета и надувает губы. Пожалуй, она немного старовата, чтобы надувать губы, но они встречаются не так долго, чтобы это раздражало.

— Нам так уж обязательно карабкаться в горы или висеть над ущельями? Это наш первый настоящий совместный отдых, а здесь нет ни единого маршрута, где не придется откуда-то прыгать или, — она нарочито вздрагивает, — носить флис.

Она бросает буклеты на кровать и вытягивает над головой загорелые руки. Ее голос слегка охрип — свидетельство бессонной ночи.

— Как насчет роскошного спа на Бали? Можно валяться на песке... нежиться часами... расслабляться долгими ночами...

— Мне не по душе такой отдых. Мне необходимо чем-нибудь заниматься.

— Например, прыгать с самолета.

— Сперва попробуй, потом критикуй.

— Если ты не против, я все же предпочту критиковать, — кривится она.

Чуть влажная рубашка липнет к его коже. Он проводит расческой по волосам и включает сотовый телефон, морщась при виде списка сообщений, которые тут же начинают выскакивать на маленьком экране.

— Ладно, — говорит он. — Мне пора. Не забудь позавтракать.

Он склоняется над кроватью, чтобы поцеловать ее. От нее веет теплом, духами и непритворной сексуальностью. Он вдыхает аромат ее затылка и на мгновение забывается, когда она обнимает его за шею и тянет вниз.

— Так мы куда-нибудь поедем в эти выходные?

— Зависит от сделки. — Он неохотно высвобождается. — Пока все в подвешенном состоянии. Возможно, мне придется отправиться в Нью-Йорк. В любом случае как насчет приятного ужина где-нибудь в четверг? Ресторан на твой выбор. — Он тянется за кожаными мотоциклетными перчатками, висящими на двери.

— Ужин, — шурится она, — с мистером Блэкберри¹ или без?

— Что?

— С мистером Блэкберри я чувствую себя третьей лишней. — Снова надутые губы. — Как будто он соперничает со мной за твое внимание.

— Я выключу звук.

— Уилл Трейнор! — восклицает она. — Ты должен выключать его хотя бы изредка.

¹ «Блэкберри» — марка смартфонов. (Здесь и далее прим. перев.)

— Я выключил его прошлой ночью, забыла?

— Только под давлением.

— Теперь это так называется? — усмехается он.

Он натягивает перчатки. Лисса наконец теряет власть над его воображением. Он перебрасывает мотоциклетную куртку через руку и посылает ей с порога воздушный поцелуй.

На его «блэкберри» двадцать два сообщения, первое пришло из Нью-Йорка в 3.42. Какая-то юридическая проблема. Он спускается в лифте на подземную парковку, пытаясь войти в курс ночных событий.

— Доброе утро, мистер Трейнор.

Охранник выходит из своей кабинки, защищенной от непогоды, хотя здесь нет никакой погоды. Уилл иногда гадает, чем он занимается там в предрассветные часы, глядя на экран видеонаблюдения и блестящие бамперы машин стоимостью 60 тысяч фунтов, всегда безупречно чистые.

— Как там на улице, Мик? — спрашивает он, натягивая кожаную куртку.

— Кошмар. Льет как из ведра.

— Серьезно? — Уилл останавливается. — Мотоцикл отменяется?

— Увы, сэр, — качает головой Мик. — Если вы не хотите поставить его на поплавки. Или разбиться.

Уилл смотрит на свой мотоцикл и стягивает кожаные перчатки. Что бы там Лисса ни думала, он не любитель напрасного риска. Он отпирает багажник мотоцикла, убирает в него перчатки, запирает и бросает ключи Микку, который умело ловит их одной рукой.

— Засунь мне под дверь, хорошо?

— Нет проблем. Вызвать такси?

— Не надо. К чему тебе мокнуть?

Мик нажимает кнопку автоматической решетки, и Уилл выходит наружу, подняв руку в знак благодарности. Темно, грохочет гром, но дороги Центрального Лондона уже забиты машинами, хотя едва минуло семь. Он поднимает воротник и шагает по улице к перекрестку, где проще всего поймать такси. Дороги скользкие от воды, серые отблески играют на зеркале мостовой.

Он мысленно бранится, заметив других людей в костюмах на краю тротуара. И когда только весь Лондон начал просыпаться в такую рань? Всем пришло в голову одно и то же.

Он размышляет, где лучше встать, когда звонит телефон. Это Руперт.

— Уже еду. Как раз пытаюсь поймать такси.

Он видит на противоположной стороне улицы приближающееся такси с оранжевым огоньком и направляется к нему, надеясь, что никто его больше не заметил. Мимо проносится автобус, а за ним грузовик, визжа тормозами и заглушая слова Руперта.

— Ничего не слышу, Рупи, — перекикивает он шум машин. — Повтори.

Он на мгновение замирает на островке безопасности, машины рекой текут мимо, мерцает оранжевый свет, и он поднимает свободную руку, надеясь, что водитель разглядит его сквозь проливной дождь.

— Позвони Джеффу в Нью-Йорк. Он еще не спит, ждет тебя. Мы всю ночь пытались до тебя дозвониться.

— Что случилось?

— Юридическая проволочка. Две статьи договора... тянут время... подпись... бумаги... — Голос тонет в шуме проезжающего автомобиля, шины шуршат по мокрому асфальту.

— Ничего не понимаю.

Таксист заметил его. Машина сбрасывает скорость и останавливается на противоположной стороне, взметнув фонтан воды. Он замечает мужчину чуть дальше, который бросается к такси, но разочарованно останавливается, сообразив, что Уилл успеет раньше. Он испытывает чувство подленького торжества.

— Слушай, пусть Келли оставит бумаги на моем столе, — кричит он. — Я буду через десять минут.

Он смотрит по сторонам, нагибает голову и пробегает несколько последних шагов к такси. На кончике его языка уже вертится «Блэкфрайарз»¹. Дождь затекает между воротником и рубашкой. Он промокнет, прежде чем доберется до офиса, хотя идти совсем недалеко. Возможно, придется послать секретаршу за новой рубашкой.

— И нужно еще разобраться с этой проверкой благонадежности, пока Мартин не начал...

Он поднимает взгляд, услышав скрежет, оскорбительный рев гудка. Видит бок блестящего черного такси впереди, водитель уже опускает окно, и что-то не вполне различимое на краю поля зрения, несущееся к нему на невероятной скорости.

Он поворачивается и в эту долю секунды понимает, что стоит на его пути и никак не успеет убраться с дороги. От удивления он разжимает пальцы, и «блэкберри» падает на землю. Он слышит крик, возможно свой собственный. Последнее, что он видит, — кожаная перчатка, лицо под шлемом, удивление в глазах мужчины — зеркальное отражение его удивления. Взрыв — и все разлетается вдребезги.

Дальше — ничего.

1 *Блэкфрайарз* — железнодорожный вокзал и станция метро в лондонском Сити.

2009

От автобусной остановки до дома сто пятьдесят восемь шагов, но они могут растянуться до ста восьмидесяти, если вы не спешите, например, если на вас туфли на платформе. Или туфли из благотворительного магазина с бабочками на носках, но недостаточной поддержкой пятки, которая объясняет их потрясающую цену в 1,99 фунта. Я повернула за угол на нашу улицу — шестьдесят восемь шагов — и увидела краешек дома — пятикомнатного дуплекса в ряду других четырех- и пятикомнатных дуплексов. Папина машина стояла на улице, а значит, он еще не уехал на работу.

Позади меня солнце садилось за замком Стортфолд, темная тень, будто тающий воск, скользила по склону холма, пытаясь меня затопить. В детстве наши длинные тени устраивали перестрелки и улица превращалась в кораль «О. К.»¹. В какой-нибудь другой день я могла бы рассказать, что приключалось на этой дороге, где папа

1 Перестрелка в корале «О. К.» — знаменитая перестрелка, состоявшаяся в 1881 году в аризонском городке Тумстоун между братьями Эрп и бандитами.

учил меня кататься на двухколесном велосипеде, где миссис Догерти в съехавшем парике пекла для нас валлийские олады, где одиннадцатилетняя Трина засунула руку в изгородь и потревожила осиное гнездо, после чего мы с визгом бежали до самого замка.

Трехколесный велосипед Томаса лежал, перевернутый, на дорожке. Закрывая за собой калитку, я затащила его под крыльцо и открыла дверь. Тепло ударило меня, словно подушка безопасности, — мама не выносит холода и держит отопление включенным круглый год. Папа вечно распахивает окна и ноет, что она доведет нас до разорения. Он говорит, что наши счета за отопление больше, чем ВВП маленькой африканской страны.

— Это ты, милая?

— Ага. — Я повесила куртку на колышек, среди других курток.

— А кто именно? Лу? Трина?

— Лу.

Я заглянула в гостиную. Папа лежал лицом вниз на диване, засунув руку глубоко под подушки. Томас, мой пятилетний племянник, сидел на корточках и пристально наблюдал за ним.

— «Лего». — Папа обратил ко мне лицо, багровое от напряжения. — И почему только проклятые детали такие мелкие? Ты не видела левую руку Оби-Вана Кеноби?¹

— Она лежала на DVD-плеере. Похоже, он поменял местами руки Оби и Индианы Джонса.

— У Оби не может быть бежевых рук. Нужно найти черные руки.

1 *Оби-Ван Кеноби* — персонаж киноэпопеи «Звездные войны», придуманный американским кинорежиссером Джорджем Лукасом. (*Прим. ред.*)

— Какая разница? Разве Дарт Вейдер¹ не отрубил ему руку во втором эпизоде? — Я ткнула пальцем себе в щеку, чтобы Томас поцеловал ее. — Где мама?

— Наверху. Ого! Монета в два фунта!

Я подняла глаза, заслышав знакомый скрип гладильной доски. Джози Кларк, моя мать, не знает ни минуты покоя. Это дело чести. Как-то раз она стояла на приставной лестнице и красила окна, время от времени останавливаясь, чтобы помахать нам рукой, пока мы ели жаркое на ужин.

— Ты не поищешь эту чертову руку? По его настоянию я ищу ее уже полчаса, а мне нужно собираться на работу.

— Ночная смена?

— Ага. Уже половина пятого.

— Вообще-то, половина четвертого, — посмотрев на часы, сказала я.

Он вытащил руку из-под подушек и бросил недоверчивый взгляд на часы:

— Тогда почему ты вернулась так рано?

Я неопределенно покачала головой, как будто не вполне поняла вопрос, и прошла на кухню.

Дедушка сидел в кресле у окна, изучая sudoku. Патронажная сестра сказала, что это полезно для концентрации, помогает сосредоточиться после инсультов. Похоже, никто, кроме меня, не замечал, что он просто заполняет квадратики первыми попавшимися цифрами.

— Привет, дедуля.

Он поднял взгляд и улыбнулся.

— Чашечку чая?

Он покачал головой и приоткрыл рот.

¹ *Дарт Вейдер* — центральный персонаж «Звездных войн». (Прим. ред.)

— Чего-нибудь холодненького?

Он кивнул.

Я открыла дверцу холодильника.

— Яблочного сока нет. — Я припомнила, что яблочный сок слишком дорогой. — Как насчет «Райбины»?¹

Он покачал головой.

— Воды?

Он кивнул и пробормотал нечто отдаленно похожее на «спасибо», когда я протянула ему стакан.

Мать вошла в комнату с большой корзиной аккуратно сложенного белья.

— Это твое? — помахала она парой носков.

— Вроде бы Трины.

— Я так и думала. Странный цвет. Похоже, на них полиняла папина фиолетовая пижама. Ты рано вернулась. Куда-нибудь собираешься?

— Нет. — Я налила в стакан воды из-под крана и выпила.

— Патрик зайдет вечером? Он недавно звонил. Ты отключила сотовый телефон?

— Не-а.

— Он сказал, что собирается забронировать вам гостиницу. Твой отец утверждает, будто что-то видел по телевизору. Куда вы собрались? Ипсос? Калипсос?

— Скиатос².

— Да, точно. Проверь гостиницу как следует. По Интернету. Они с папой что-то видели в обеденных новостях. Похоже, половина недорогих предложений — стройплощадки, но узнаешь об этом только на месте. Папа, хочешь чашечку чая? Неужели Лу тебе не предложила?

1 «Райбина» — напиток с черносмородиновым соком.

2 Скиатос — небольшой греческий остров в Эгейском море, курорт.

Мама включила чайник и посмотрела на меня. Возможно, наконец заметила, что я молчу.

— У тебя все хорошо, милая? Ты ужасно бледная.

Она протянула руку и пощупала мой лоб, как будто мне было не двадцать шесть, а намного меньше.

— Вряд ли мы куда-то поедем.

Мамина рука замерла. Из ее глаз брызнули рентгеновские лучи. Так бывало с самого моего детства.

— У вас с Патом проблемы?

— Мама, я...

— Я вовсе не лезу в ваши дела. Просто вы вместе уже очень давно. Вполне естественно, что время от времени у вас возникают трения. В смысле, мы с твоим отцом...

— Я потеряла работу. — Мой голос повис в пустоте. Слова пылали в маленькой комнате еще долго после того, как растаяли звуки.

— Что?

— Фрэнк закрывает кафе. С завтрашнего дня. — Я протянула руку с чуть влажным конвертом, который в шоке сжимала всю дорогу домой. Все сто восемьдесят шагов от автобусной остановки. — Он заплатил мне за три месяца вперед.

Тот день начался, как все другие дни. Все мои знакомые ненавидят понедельники, но я исключение. Мне нравилось приезжать с утра пораньше в «Булочку с маслом», включать огромный кипятильник в углу, таскать с заднего двора ящики с молоком и хлебом и болтать с Фрэнком, готовясь к открытию.

Мне нравилось душное тепло с ароматом бекона, порывы прохладного воздуха, когда дверь отворялась и заворялась, тихий гул разговоров, а когда все смолкало — радио Фрэнка, бормочущее в углу. Кафе не было фешенебельным — его стены украшали пейзажи с замком на

холме, столы покрывал старомодный пластик, а меню не менялось с тех пор, как я приступила к работе, не считая парочки изменений в ассортименте шоколадных батончиков и появления шоколадного печенья и маффинов на подносе с глазированными булочками.

Но больше всего мне нравились посетители. Нравились Кев и Анджело, водопроводчики, которые заходили почти каждое утро и дразнили Фрэнка вопросами о происхождении мяса. Нравилась Леди Одуванчик, получившая свое прозвище за копну белоснежных волос. С понедельника по четверг Леди Одуванчик заказывала яйцо с жареной картошкой и сидела, читая бесплатные газеты и выпивая две чашки чая. Я всегда старалась поговорить с ней. Мне казалось, что в течение всего дня со старой женщиной никто больше не говорит.

Мне нравились туристы, заглядывавшие по дороге в замок и обратно, верещащие школьники, забегавшие после школы, завсегда из офисов через дорогу и Нина и Шери, парикмахерши, выучившие калорийность каждого пункта меню «Булочки с маслом». Даже неприятные посетители, такие как рыжеволосая владелица магазина игрушек, не реже раза в неделю скандалившая из-за сдачи, меня не раздражали.

Я наблюдала, как за столиками завязываются и разрываются отношения, как разведенные супруги меняются детьми; виноватое облегчение родителей, ненавидящих готовить, запретное наслаждение пенсионеров, завтракающих жареным. Вся человеческая жизнь проходила перед моими глазами, большинство посетителей бросали мне пару слов, шутили или отпускали замечания над кружками дымящегося чая. Папа любил повторять, что я могу в любой момент сболтнуть какую-нибудь ерунду, но в кафе это не имело значения.

Фрэнку я нравилась. Он был тихим по натуре и говорил, что я оживляю его кафе. Вроде как барменша, только не надо возиться с напитками.

Но в тот день, когда закончилась обеденная суета и на мгновение стало тихо, Фрэнк, вытирая руки о фартук, вышел из-за плиты и повернул дверную табличку стороной «Закрыто» к улице.

— Но-но, Фрэнк, я же тебе говорила! Интимные услуги в минимальную зарплату не входят. — Правда, папа утверждал, что Фрэнк голубее, чем яйца дрозда. Я подняла глаза. Фрэнк не улыбался. — Неужели я опять насыпала соль в банки для сахара?

Он крутил в руках посудное полотенце и выглядел на редкость смущенным. На мгновение мне пришло в голову, что кто-то на меня пожаловался. А потом он жестом пригласил меня сесть.

— Прости, Луиза, но я возвращаюсь в Австралию. Отец не очень хорошо себя чувствует, — добавил он, объясняя, в чем дело, — и в замке явно собираются устроить собственное кафе. Видела объявление на стене?

Наверное, у меня в прямом смысле отвисла челюсть. А потом Фрэнк протянул мне конверт и ответил на следующий вопрос, прежде чем тот слетел с моих губ.

— Я знаю, что мы не заключали официального договора или чего-либо подобного, но я хочу позаботиться о тебе. Здесь деньги за три месяца вперед. Мы закрываемся завтра.

— Три месяца! — взорвался папа, а мама сунула мне в руки чашку сладкого чая. — Весьма благородно с его стороны, учитывая, что она последние шесть лет вкалывала в его кафе как проклятая.

— Бернارد! — Мама бросила на него предостерегающий взгляд и кивком указала на Томаса.

Родители присматривали за ним после школы, до возвращения Трины с работы.

— И что ей теперь делать? Мог бы известить ее пораньше, чем за один чертов день.

— Ну... ей просто надо найти другую работу.

— Нет никакой чертовой работы, Джози. Ты знаешь это не хуже меня. Мы посреди дерьмового экономического спада.

Мама на мгновение закрыла глаза, как будто собираясь с духом, прежде чем заговорить.

— Она умная девочка. Она что-нибудь найдет. У нее отличный послушной список. Фрэнк даст ей хорошую рекомендацию.

— Да просто замечательную... «Луиза Кларк умело мажет тосты маслом и ловко обращается со старым чайником».

— Папа, спасибо за поддержку.

— А что я такого сказал?

Я знала подлинную причину папиного беспокойства. Родители зависели от моих заработков. Трина почти ничего не получала в цветочном магазине. Мама не могла работать, потому что присматривала за дедушкой, а дедушкина пенсия стремилась к нулю. Папа жил в постоянной тревоге о своей работе на мебельной фабрике. Его начальник уже много месяцев толковал о возможном сокращении штатов. В доме шептались о долгах и жонглировании кредитными карточками. Два года назад папину машину разбил незастрахованный водитель, и почему-то этого оказалось достаточно, чтобы карточный домик родительских финансов наконец рассыпался. Мои скромные заработки составляли основу денег на хозяйство, и их хватало, чтобы семья сводила концы с концами.

— Давай не будем забегать вперед. Пусть завтра сходит на биржу труда и узнает, что ей могут предложить.

Деньги у нее пока есть. — Они говорили так, будто меня нет рядом. — И она умница. Ты ведь умница, милая? Что, если ей пойти на курсы машинописи? Найти работу в офисе?

Я сидела, а родители обсуждали, на какую еще работу можно рассчитывать с моей скромной квалификацией. Фабричная работница, швея-мотористка, девочка на побегушках. Впервые за весь день мне захотелось плакать. Томас внимательно наблюдал за мной большими круглыми глазами, а затем протянул мне половину отсыревшего печенья.

— Спасибо, Томми, — сказала я одними губами и съела печенье.

Он был в спортивном клубе, как я и думала. С понедельника по четверг, точно по расписанию, Патрик занимался в тренажерном зале или бегал кругами по залитому светом прожекторов стадиону. Я спустилась вниз, обхватив себя руками от холода, и медленно вышла на дорожку, помахав, когда он приблизился достаточно, чтобы узнать меня.

— Побегали со мной, — запыхавшись, предложил он. Дыхание вырывалось из его рта клубами пара. — Осталось четыре круга.

Помедлив мгновение, я побежала рядом. Только так я могла побеседовать с Патриком. На мне были розовые кроссовки с бирюзовыми шнурками, единственная моя обувь, пригодная для бега.

Я провела день дома, стараясь приносить пользу. Примерно час назад я начала путаться у матери под ногами. Мама и дедушка занимались своими делами, и мое присутствие им мешало. Папа спал, потому что работал в этом месяце по ночам, и его нельзя было беспокоить.

Я убралась в комнате и стала смотреть телевизор с отключенным звуком, время от времени вспоминая, почему сижу дома среди белого дня, и испытывая неподдельную боль в груди.

— Я тебя не ждал.

— Надоело сидеть дома. Я подумала, может, сходим развлечься.

Он покосился на меня. На его лице тонкой пленкой блеснул пот.

— Чем раньше ты найдешь новую работу, детка, тем лучше.

— Прошло всего двадцать четыре часа, как я потеряла старую. Можно мне немного побыть несчастной и вялой? Хотя бы сегодня?

— Посмотри на все с хорошей стороны. Ты же знала, что не сможешь работать там вечно. Тебе надо двигаться дальше, вперед.

Два года назад Патрика выбрали стортфордским молодым предпринимателем года, и он до сих пор не оправился от подобной чести. За это время у него появился деловой партнер Рыжий Пит, предлагающий персональные тренировки клиентам в радиусе сорока миль, и два фирменных фургона, приобретенных в рассрочку. Кроме того, у него в офисе была белая доска, на которой он любил толстыми черными маркерами писать предполагаемый оборот, исправляя цифры по несколько раз, пока они не сходились, к его удовлетворению. Я сомневалась, что они имеют какое-то отношение к реальности.

— Сокращение может изменить жизнь человека, Лу. — Он взглянул на часы, засекая время круга. — Чем ты хочешь заняться? Можно пройти переподготовку. Уверен, для таких, как ты, есть субсидии.

— Для таких, как я?

— Для тех, кто ищет новые пути. Кем ты хочешь быть? Как насчет косметолога? Ты достаточно хорошенькая. — Он на бегу пихнул меня в бок, словно это был невесть какой комплимент.

— Ты же знаешь, как я ухаживаю за собой. Мыло, вода, шампунь.

Патрик начал злиться.

Я начала отставать. Терпеть не могу бегать. Я ненавидела его за то, что он не сбавляет скорость.

— Послушай... Продавщица. Секретарша. Агент по продаже недвижимости. Ну, не знаю... Ты же хочешь кем-то быть?

Но я не хотела. Мне нравилось работать в кафе. Нравилось знать все на свете о «Булочке с маслом» и следить за жизнью людей, проходящих через нее. Там мне было уютно.

— Хватит ныть, детка. Ты должна с этим справиться. Все лучшие предприниматели пробили себе дорогу с самого дна. Джеффри Арчер¹, например. И Ричард Брэнсон². — Он похлопал меня по руке, намекая, что пора прибавить ходу.

— Вряд ли Джеффри Арчер хоть раз лишился работы по поджариванию булочек к чаю. — Я запыхалась. И на мне был неудобный лифчик. Я остановилась, уронив руки на колени.

Патрик развернулся и побежал спиной вперед, его голос плыл по неподвижному стилому воздуху.

— Но если бы лишился... Я просто хочу помочь. Утро вечера мудренее. Наденешь деловой костюм и отправишься на биржу труда. Или я научу тебя работать со

1 *Джеффри Арчер* (р. 1940) — английский политик и писатель.

2 *Ричард Брэнсон* (р. 1950) — английский предприниматель.

мной, если хочешь. Дело прибыльное, сама знаешь. И не переживай из-за отдыха. Я заплачу.

Я улыбнулась ему. Он послал мне воздушный поцелуй, и его голос эхом раскатился по пустому стадиону.

— Вернешь, когда встанешь на ноги.

Я подала свое первое заявление на пособие по безработице. Посетила сорокапятиминутное собеседование, а потом — групповое, где оказалась в обществе двух десятков самых разных мужчин и женщин, причем половина из них, как и я, сидели с таким же слегка ошеломленным видом, а половина — с равнодушным, скучающим видом людей, которые приходят сюда слишком часто. На мне было «штатское», как выразился папа.

В результате приложенных усилий я недолго в ночную смену замещала на птицефабрике приболевшего сотрудника, после чего мне неделями снились кошмары. И провела два дня на обучающем семинаре для домашних консультантов по электричеству. Довольно быстро я сообразила, что, в сущности, меня натаскивают обманом вынуждать стариков сменить поставщика электроэнергии, и заявила Саиду, моему личному «консультанту», что не стану этого делать. Он настаивал, чтобы я продолжала, но я перечислила несколько приемов, которые мне велели применять, после чего он притих и предложил нам — он всегда говорил «мы», хотя очевидно было, что у одного из нас работа уже есть, — попробовать что-то еще.

Две недели я трудилась в ресторане быстрого питания. Часы работы меня устраивали, и я смирилась с тем, что от форменной одежды электризуются волосы, но придерживаться сценария «уместных реакций», а именно: «Чем могу вам помочь?» и «Добавить к заказу боль-

шую картошку?» — оказалось совершенно невозможно. Меня уволили после того, как одна из специалисток по пончикам застучала меня за обсуждением сравнительных достоинств бесплатных игрушек с четырехлетней. Что я могу сказать в свое оправдание? Четырехлетняя была развитой. А Спящие красавицы — ужасно слащавыми.

В результате я сидела на своем четвертом собеседовании, пока Саид искал на сенсорном экране новые «возможности» занятости. Даже Саид, с его зловеще жизнерадостным поведением человека, трудоустроившего самых безнадежных кандидатов, уже казался слегка утомленным.

— Хм... Как вы относитесь к мысли заняться шоу-бизнесом?

— Что, цирку требуются клоуны?

— Вообще-то, нет. Но есть вакансии для танцовщицы на шесте. Даже несколько.

— Надеюсь, вы шутите, — подняла я бровь.

— Тридцать часов в неделю без заключения трудового договора. Хорошие чаевые, надо полагать.

— Я правильно понимаю: вы только что посоветовали мне разгуливать в нижнем белье перед толпой незнакомцев?

— Вы же говорили, что ладите с людьми. И похоже, вам нравится... театрально... одеваться. — Он покосился на зеленые в блестках колготки.

Я надеялась, что они меня подбодрят. Томас весь завтрак напевал под нос лейтмотив из «Русалочки».

Саид что-то набрал на клавиатуре:

— Как насчет «диспетчера телефонной линии для взрослых»? — (Я уставилась на него.) — Вы же говорили, что вам нравится беседовать с людьми, — пожал он плечами.

— Нет. Полуголая официантка — тоже нет. И массажистка. И оператор веб-камеры. Ищите, Саид. У вас

должна найтись работа, от которой моего папу не хватит удар.

Похоже, я привела его в замешательство.

— Мы исчерпали все возможности работы в торговле с гибким графиком.

— А как насчет раскладывания товара по полкам в ночную смену? — Я провела здесь достаточно времени, чтобы научиться разговаривать на их языке.

— Тогда вы попадете в список ожидания. Такую работу предпочитают родители школьников, — виновато произнес он и снова посмотрел на экран. — Итак, у нас остались только сиделки.

— Вытирание задов старикам.

— Боюсь, для остального, Луиза, вы недостаточно квалифицированы. Если хотите пройти переподготовку, я с радостью направлю вас по верному пути. В обучающем центре для взрослых множество курсов.

— Но это мы уже обсуждали, Саид. В таком случае я останусь без пособия по безработице, верно?

— Если не будете готовы приступить к работе в любой момент, то да.

Мы немного посидели в тишине. Я посмотрела на двери, у которых стояли два могучих охранника. Интересно, они нашли эту работу через биржу труда?

— Я плохо справляюсь со стариками, Саид. После инсультов дедушка перебрался к нам, и я не могу с ним ужиться.

— А! Так у вас есть опыт ухода!

— Вообще-то, нет. За ним ухаживает моя мама.

— Быть может, предложить эту работу ей?

— Смешно.

— Я не шучу.

— А мне придется ухаживать за дедушкой? Нет уж. Кстати, ему это понравится не больше, чем мне. А в кафе ничего нет?

Мойес Дж.

М74 До встречи с тобой : роман / Джоджо Мойес ; пер. с англ. А. Ки-лановой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. ISBN 978-5-389-10947-6

Лу Кларк знает, сколько шагов от автобусной остановки до ее дома. Она знает, что ей очень нравится работа в кафе и что, скорее всего, она не любит своего бойфренда Патрика. Но Лу не знает, что вот-вот потеряет свою работу и что в ближайшем будущем ей понадобятся все силы, чтобы преодолеть свалившиеся на нее проблемы.

Уилл Трейнор знает, что сбивший его мотоциклист отнял у него желание жить. И он точно знает, что надо сделать, чтобы положить конец всему этому. Но он не знает, что Лу скоро ворвется в его мир буйством красок. И они оба не знают, что навсегда изменят жизнь друг друга.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОДЖО МОЙЕС
ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерц

Редактор Алла Косакова

Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Кирилла Иванова

Корректоры Елена Терскова, Валентина Гончар

Подписано в печать 18.04.2018. Формат 84 × 100 1/32.

Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 23,4.

Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

H-JJM-18978-07-R